

Через тернии к звездам

«Кто твердо знает, что делать, – тот приручает судьбу»

Николай Миклухо-Маклай

Никита Владимирович Филиппов – член Адвокатской палаты города Москвы, руководитель МГКА «Бюро адвокатов «Де-юре» – родился 14 июля 1974 в г. Москве. В школьные годы занимался различными видами спорта, окончил музыкальную школу по классу скрипки. В 1992 году поступил на юридический факультет.

Уже во время учебы, пока не обрел достаточного опыта, Никита Владимирович работал юрисконсульт-адвокатом в военном суде, замещал секретарей судебного заседания – как по гражданским, так и по уголовным делам. Сразу после получения диплома о высшем образовании поступил стажером в Межрегиональную коллегия адвокатов помощи предпринимателям и гражданам, в юридическую консультацию № 19 «Центральная», затем перешел в созданное в коллегии адвокатов «Московский юридический центр» адвокатское бюро «Савицкий».

В июне 2002 года Никита Владимирович перешел работать в коллегия адвокатов «Межрегион», в рамках которой решением президиума в 2003 году было создано бюро адвокатов «Де-юре» в качестве самостоятельного структурного подразделения, руководителем (заведующим) которого Никита Владимирович и был назначен.

В 2006 году по представлению президиума МКА «Межрегион» за вклад в защиту прав граждан Никите Владимировичу был вручен нагрудный знак «Почетный адвокат России».

В апреле 2011 года усилиями Н.В. Филиппова и его коллег учреждена Московская городская коллегия адвокатов «Бюро адвокатов «Де-юре», руководителем которой он является.

В 2013 году деятельность Филиппова была отмечена двумя наградами: адвокатской – орденом Гильдии российских адвокатов «За вклад в развитие адвокатуры» и государственной – медалью «Патриот России».

Уверены, наш разговор с этим неординарным человеком покажется читателям интересным.

За рабочим столом

АВР.: Имя Никита происходит от греческого слова Νικητής и означает победитель, победоносный, побеждать. Победы профессиональные и просто жизненные даются вам легко, вы являетесь фаворитом судьбы?

Н.Ф.: К сожалению, это совсем не так. Всю жизнь я мечтаю о том, чтобы удача просто свалилась с неба прямо мне в руки, но этого не происходит, и мой путь к звездам скорее лежит через тернии, чем по усыпанной розовыми лепестками ковровой дорожке, но я к такому положению дел уже привык и отношусь философски, ведь все, что нас не убивает,

делает нас сильнее, и каждая доставшаяся с боем победа – это еще и ценный опыт, который пригодится в будущем.

АВР.: Вы требовательны к себе?

Н.Ф.: Скорее, нет. Хотя себя оценивать сложнее всего. Среди моих знакомых есть несколько человек, которых я считаю настоящими «трудоголиками», в разговорах «по душам» мне случалось задавать им похожий вопрос, и меня поразило, что каждый из них по-своему охарактеризовал себя как человека очень ленивого, причем искренне. Иногда я тоже позволяю

себе расслабиться, на какие-то нужные дела порой не могу найти времени или сил, за что себя корю, но понимаю, что все на свете успеть невозможно.

АВР.: Никита Владимирович, от музыки к юриспруденции – как так получилось?

Н.Ф.: Вряд ли это было случайностью. Сейчас, по прошествии почти 20 лет с начала юридической деятельности, я считаю, что выбор профессии был сделан мною от сердца. Музыка не стала моей работой, но я не жалею об этом, поскольку этот огромный мир для меня не закрыт – я люблю петь, играть на скрипке, слушать классическую и некоторые виды современной музыки, и это позволяет восстановить душевное равновесие после стрессов, которые часто сопровождают работу адвоката.

АВР.: Как вы планируете день? Как на все хватает времени?

Н.Ф.: Свой рабочий день я всегда планирую заранее. Основные вопросы (судебные процессы, важные встречи) – минимум за неделю, текущие вопросы (встречи, переговоры) – обычно накануне либо за день. Времени на все не хватает катастрофически – надо все успеть, и чем больше делаешь, тем больше новых дел появляется, но способа вырваться из этого замкнутого круга я пока не придумал.

АВР.: Никита Владимирович, как вы проводите свободное время, как отвлекаетесь от работы?

Н.Ф.: Несколько раз в неделю я обязательно занимаюсь спортом, изредка (когда выдается свободное время) позволяю себе поиграть в русский бильярд (к слову, пару лет назад у меня и моих друзей появилась идея совместно с Федерацией бильярдного спорта России провести бильярдный турнир среди адвокатов, многие из которых относят себя к искренним поклонникам этого вида спорта – и я от нее еще до конца не отказался). В отпуске, в какой бы стране мира мне ни приходилось побы-

вать, я обязательно стараюсь съездить на рыбалку, причем какую-нибудь экзотическую. Например, ловил акул в Африке, лососевых на Камчатке, а также рыбу-парусника в Индийском океане.

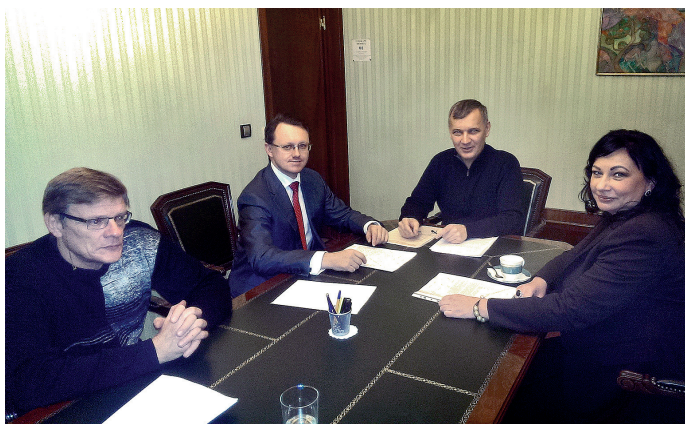
АВР.: Для прочтения какой художественной литературы вы всегда находите время?

Н.Ф.: Обычно самой «художественной» литературой для меня, к сожалению, являются мониторинги обновлений законодательства. Читать я люблю и фантастику, и историческую литературу, но в последние годы времени на это почему-то остается все меньше.

АВР.: Французский адвокат и политический деятель XIX века Жюль Фавр как-то сказал: «Адвокатура – профессия творческая, девиз адвоката – исследование и свобода». Согласны ли вы с ним? И что для вас значит свобода?

Н.Ф.: Конечно, согласен. Творческий подход при ведении любого дела проявляется в постоянном поиске, сопряженном с непрерывным процессом познания, ибо мир правовых казусов, как и путей их разрешения, безграничен – каждое новое дело может иметь свои особенности и требует индивидуального подхода. И муки творчества, когда проблема, кажется, вот-вот будет решена, но никак не удается найти недостающий элемент для построения законченной логической цепочки, ведущей к правильному результату, и удовольствие от найденного красивого решения проблемы либо огорчение при получении отрицательного для моего доверителя заключения сравнимы с аналогичными чувствами, испытываемыми в любом исследовательском процессе. А свобода, применительно к адвокатской де-

ятельности, имеет две ипостаси – внутреннюю, наличие которой позволяет не ограничиваться стереотипами и штампами, а применять креативный и нестандартный подход к работе, если это необходимо, и внешнюю, под которой я понимаю свободу выбора и действительную независимость (я

После подписания мирового соглашения

вправе сам выбирать, каким делом заниматься, а каким нет, и не обязан идти на сделки с совестью под угрозой увольнения с работы, как многие государственные чиновники). Правда, реалии российской действительности не позволяют ощутить эту свободу полноценно и целиком: нарушения прав адвокатов при осуществлении ими своих обязанностей по защите доверителей в нашей стране пока являются обычным делом, и мне также пришлось на себе испытать последствия «ошибки следственных органов», которая, слава Богу, была исправлена (с принесением всех положенных извинений). Однако необходимость просчитывать последствия законных и правомерных, но вызывающих

излишне негативную реакцию оппонентов (в первую очередь наших процессуальных противников — следователей, судей и прокуроров) действий фактически свободу адвокатов ограничивают.

АВР.: Почему вы не пошли в следственные структуры, прокурорские?

Н.Ф.: Нет к этим профессиям расположенности: изначально, еще со студенческой скамьи, я не видел свое юридическое будущее в сферах следствия, прокуратуры или суда, а опыт работы адвокатом меня окончательно от этих видов деятельности отвратил, и теперь, как и двадцать лет назад, я не могу представить себя следователем или, например, государственным обвинителем.

АВР.: Какая адвокатская специализация, на ваш взгляд, наиболее перспективна?

Н.Ф.: Сразу вспоминаются стихи «Мамы разные нужны, мамы всякие важны». Все зависит от того, что вы понимаете под словом «перспектива»? Есть специализации потенциально более либо менее прибыльные, более либо менее публичные (связанные с

громкими процессами или именами), а есть адвокаты, которые всегда востребованы, вне зависимости от конкретной специализации в той или иной отрасли права, потому что они являются настоящими профессионалами своего дела и всегда ответственно и честно делают свою очень нужную людям работу.

Важный звонок

АВР.: Мы не нашли информации о вашем первом деле... Расскажите о нем.

Н.Ф.: В 1994 году, будучи еще юрисконсультком-адвокатом военного суда, я впервые принял участие в качестве защитника в судебных заседаниях по уголовным делам в отношении двух военнослужащих, совершивших преступления «против военной службы» — имеются в виду

весьма распространенные в то время так называемые «самоволки», самовольное оставление места службы либо неприбытие к месту службы в срок из отпуска, увольнения и т.п. Оба виновных получили незначительное наказание, а для меня это был первый опыт защиты по уголовному делу в суде.

АВР.: Что нужно вам, чтобы выиграть дело?

Н.Ф.: Все просто: надо внимательно его изучить, провести тщательный анализ и подготовку, убедить суд или иной орган, разрешающий дело, что рассмотреть его следует честно и объективно, и — вот он, выигрыш! Но если первая и вторая составляющие зависят только от меня, то остальные слагаемые успеха, с учетом специфики нашей российской правовой действительности, порой напоминают лотерею.

АВР.: Кто такой идеальный юрист в вашем понимании?

Н.Ф.: Идеальных юристов не существует, все мы люди, но именно человечность и индивидуальность отличают нас от известных «безупречных» спра-

вочно-правовых систем и позволяют на настоящем этапе развития компьютерных технологий успешно с ними конкурировать, и потому для оказания юридических услуг пока именно мы пользуемся этими системами, а не они нами. А если серьезно, то основные качества, необходимые для того, чтобы стать идеальным профессионалом в любой сфере, включая юриспруденцию, это порядочность и компетентность.

АВР.: А что помогает в личностном росте?

Н.Ф.: Объективная реальность, а именно законы рыночной экономики, действующие в том числе и в юридической среде. Законодательство и судебная практика в России постоянно меняются, и если даже ненадолго отвлечься и перестать совершенствоваться, по крайней мере в тех отраслях права, в которых специализируешься, то можно быстро отстать и потерять конкурентоспособность.

АВР.: Юристу в России жить легче, чем любому другому гражданину? Ведь вы знаете свои права и обязанности.

Н.Ф.: Один мой друг придумал фразу: «Мы юристы, и это мешает нам жить». С одной стороны, конечно, знание законов помогает в чем-то справиться со многими жизненными перипетиями, а с другой — мы видим и понимаем неизвестные для «неюристов» причины происходящих событий и, самое главное, знаем, как та или иная ситуация должна развиваться по закону. Грустно осознавать, что во многих случаях справиться с правовым нигилизмом наших чиновников и многих правоохранителей невозможно. А если говорить об адвокатах, то с нашей работой жить не легче, а порой и сложнее, чем иным людям, так как мы переживаем и свои, и чужие проблемы.

АВР.: «... И опасна и трудна». Случались ли в вашей юридической практике грубые, из ряда вон выходящие нарушения ваших прав?

Н.Ф.: Поскольку дела, которые мне доводится вести, зачастую связаны с серьезными противостояниями (борьбой между доверителями и их оппонентами за дорогостоящие активы, конфликты, связанные с управлением компаниями и т.д.), накал страстей по таким делам часто превышает разумные пределы, и не все способны контролировать себя в подобных ситуациях, поэтому мне приходилось сталкиваться и с угрозами насилия либо фабрикации уголовного дела. В большинстве случаев это

ограничивалось только словами, но несколько раз мне приходилось пользоваться помощью охраны, а однажды некомпетентность сотрудников правоохранительных органов, рассматривавших заявление таких «обиженных» оппонентов, повлекла незаконное уголовное преследование меня за выполнение мной моих профессиональных обязанностей.

АВР.: В начале 2007 года в СМИ действительно было большое количество сообщений «о задержании адвоката Филиппова». Не могли бы вы раскрыть нам некоторые подробности этого дела?

Н.Ф.: История имела место быть, и она причинила немало боли и мне, и моим близким, и слава Богу, что все закончилось благополучно — уголовное преследование в отношении меня было полностью прекращено, я был реабилитирован, и государство (в лице компетентных органов) принесло мне извинения за незаконное привлечение к уголовной ответственности.

В 2006 году ко мне за юридической помощью обратилась одна московская фирма по спору, связанному с правами на земельный участок под строительство торгового центра в Москве. Изучив представленные доверителем документы, я пришел к выводу, что данная фирма незаконно была лишена прав на спорный земельный участок, и согласился представлять ее интересы в судах — на тот период в различных судах одновременно рассматривался целый ряд дел, связанных с владением этой землей, часть из них была разрешена в пользу моего доверителя, часть против него. С лета 2006-го по март 2007 года я принял участие в восьми судебных процессах в качестве представителя данной фирмы, и все без исключения дела были мной выиграны.

После оглашения очередного решения суда в пользу моего доверителя, уже на выходе из здания Девятого арбитражного апелляционного суда, я был задержан сотрудниками милиции, и через несколько дней мне было предъявлено обвинение в пособничестве некоему незнакомому мне физическому лицу, которое якобы в 2002 году мошенническим путем завладело правами на вышеуказанный земельный участок, причем мое пособничество заключалось в успешном представительстве фирмы (моего доверителя) в судах в 2006 году(!), то есть я, адвокат, обвинялся в том, что хорошо защищал своего доверителя. Однако, невзирая на мою очевидную невиновность, в силу специфики построения российской правовой системы процесс доказывания этой неви-

новости растянулся на весьма длительное время. Только через несколько месяцев я был освобожден из-под стражи и обвинение было полностью снято.

В этот период я на себе смог испытать, что чувствуют те из моих доверителей, которые также оказываются необоснованно (в результате ошибки правоохранительных органов, либо по оговору конкурентов, либо по иным причинам) привлеченными к уголовной ответственности. Но мне, безусловно, во многом повезло: во-первых, будучи профессиональным адвокатом, я хорошо понимал суть происходящих событий и знал, как нужно бороться с незаконным уголовным преследованием; во-вторых, веря в мою невиновность, меня поддерживали и защищали всеми доступными способами моя семья, друзья и коллеги; в-третьих, большую помощь мне оказала поддержка адвокатского сообщества – путем выступлений в средствах массовой информации, обращений в Генеральную прокуратуру и суды, и, что было крайне важно, – Адвокатская палата Москвы отказалась приостанавливать мой статус, несмотря на предъявленное мне обвинение в совершении тяжкого преступления – даже находясь под стражей, я оставался действующим адвокатом. И я искренне благодарен всем тем, кто в трудную минуту поддерживал меня и моих близких. Произошедшее со мной – это горький опыт, но, к сожалению, таковы реалии нашей жизни, и в том, чтобы несправедливости (в том числе по вине государственных органов) на свете было меньше, я вижу сейчас смысл и ценность своей адвокатской деятельности.

АВР.: Президент Гильдии российских адвокатов Г.Б. Мирзоев в своих многочисленных выступлениях не раз говорил о необходимости создания единого высшего суда страны. Теперь же с аналогичной точкой зрения выступил и президент России В.В. Путин. Что, на ваш взгляд, изменит упразднение высшего арбитражного суда?

Н.Ф.: Я полагаю, что процесс объединения Верховного и Высшего арбитражного судов в настоящее время в нашей системе правосудия является крайне актуальным. За последнее десятилетие, особенно после появления баз законодательства, включающих в себя судебную практику судов всех инстанций, а также в связи с внедрением системы электронного правосудия и введения обязательности опубликования всех судебных актов арбитражных судов в сети Интернет на сайте Высшего арбитражного суда РФ, сложилась парадоксальная ситуация откровенного

противостояния арбитражных судов и судов общей юрисдикции в толковании законов в правоприменительной практике.

По роду деятельности я принимаю участие в судебных процессах и в арбитражных судах, и в судах общей юрисдикции всех уровней, и нередко мне приходится наблюдать следующую картину: в заседании в районном суде представитель одной из сторон представляет суду для обозрения стопку распечатанных судебных актов, обосновывая ими свою позицию (в качестве ссылок на общепринятую правоприменительную практику); судья просматривает их, отбирает решения арбитражных судов и возвращает со словами: «Что это вы мне приносите арбитражные решения? Мы на них не ориентируемся, и разъяснения Высшего арбитражного суда для нас не указ, у нас есть Верховный суд, на него и ссылайтесь». По сложным ситуациям, которые не ограничиваются рамками одного процесса, а состоят из множества дел в различных судах, я регулярно сталкиваюсь с принятием, например, по одному и тому же инвестиционному контракту прямо противоположных решений арбитражными судами и судами общей юрисдикции, в результате чего возникают коллизии судебных актов, при этом и те, и другие проходят проверки вышестоящими судами (вплоть до Верховного и Высшего арбитражного судов соответственно), которые оставляют эти судебные акты в силе, еще более запутывая ситуацию. По одному из таких дел мы делали открытое обращение в адрес руководства Высших судов с просьбой принять меры для устранения возникших противоречий (которое, впрочем, не привело к какому-нибудь результату).

Одной из причин возникновения данного противостояния можно назвать принципиально различный подход к осуществлению правосудия, сложившийся в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах. В первых большое внимание уделяется реальным человеческим судьбам, интересам конкретных граждан, приходящих в суд со своими проблемами, и зачастую эти граждане не очень хорошо разбираются в законах и у них не всегда есть деньги на оплату грамотного адвоката. Суд старается самостоятельно разобраться в ситуации и дать правильную правовую оценку спорным правоотношениям (в том числе определить применимое право и т.д.). В арбитражных же судах, изначально специализирующихся исключительно на экономических спорах (до последнего времени физические лица вообще не могли быть сторонами в арбитражном процессе, да и сейчас принимают в них участие как истцы или от-

ветчики только в случае, если это связано с какими-либо корпоративными спорами), исторически чаще применяется иной подход к рассмотрению дел, в них главное – не личность и ее проблемы, а правильное оформление представленных в обоснование позиции документов. В итоге в обоих направлениях судебной системы сформировался свой профессиональный «менталитет», оказывающий существенное влияние на применение норм права в определенных областях, поскольку юриспруденция – это не точная наука и от отношения правоприменителя во многом зависит, какое толкование нормы он выберет для конкретного спорного случая.

Немаловажно, что карьерный рост судей в основном происходит тоже в рамках первоначально избранной части судебной системы – судьи судов общей юрисдикции «растут» от мировых до районных, далее до судей судов субъектов и до Верховного суда РФ, сохраняя особенности своего восприятия права и, соответственно, его толкования. Аналогичным образом построена кадровая политика и в арбитражных судах. Вследствие этого на настоящий момент Верховный и Высший арбитражный суды практически полностью состоят из высококвалифицированных профессиональных судей, готовых из самых лучших побуждений отстаивать приоритет принятого в соответствующей части системы подхода к правоприменению. Причем нельзя забывать еще и о таком существенном психологическом факторе, как понятие

«честь мундира», также подспудно заставляющем ревностно относиться к сохранению принятых именно в своей части судейского сообщества ценностей.

К сожалению, указанные противоречия хотя и поддаются логичному объяснению, на практике при рассмотрении судебных споров приводят к возникновению реальных проблем у граждан и организаций, делая их заложниками возникшего системного кризиса нашей судебной власти. И сегодня декларированный Конституцией РФ принцип единства судебной системы на практике не работает. Я думаю, что такая мера, как объединение высших судов, с обязательным введением института проверки законности и обоснованности судебных актов инстанции, стоящей выше уровня разделения судов на арбитражные и общей юрисдикции, позволит со временем устранить существующее противостояние и сделать судебную практику действительно единой – в целом, а не арбитражной и общеюрисдикционной по отдельности.

АВР.: Если бы у вас была еще одна жизнь, в какой стране вы бы хотели ее прожить и почему?

Н.Ф.: Конечно, в России. Я считаю нашу страну прекрасной, а недостатки ее – исправимыми.

**Беседу провела специальный корреспондент
журнала «Адвокатские вести России»**

Н.Ю. Мурзаханова

